

НОЧЬ «ДЛИННЫХ ДОЛГОВ»: ОРГАНИЗАЦИЯ КАМПАНИИ ПО ВЗЫСКАНИЮ НЕДОИМОК С ЧАСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ¹

Цель исследования – рассмотреть процесс организации кампании по взысканию недоимок с частных предпринимателей и чистке налогового аппарата.

Источниками являлись инструкции Центрального штаба рабочей бригады по шефству над Народным комиссариатом финансов СССР и руководства Свердловского Областного финансового управления в адрес Свердловского окружного финансового отдела (Окрфо).

Рассматриваются проблемы адекватности налогообложения частного сектора хозяйства в практике Окрфо, послужившие одной из причин проведения налоговой кампании.

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что методы и способы планируемой кампании свидетельствуют о радикализации политики полного и окончательного вытеснения частного сектора из экономики страны, ликвидации многоукладной экономики нэпа.

Наряду с чисто фискальными, преследовались и политические цели – продемонстрировать решительность властей и провести чистку аппарата финансовых органов, который был «засорен» мелкобуржуазными элементами. Для обеспечения классовой чистоты мероприятия к нему активно привлекались «рабочие от станка», что создавало множество правовых и организационных проблем, формировало предпосылки для злоупотреблений. Проведение изъятий

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

в массовом порядке, ночью, стремительно и неожиданно, в максимально возможном объеме и с привлечением в качестве субъектов налогообложения помимо самого частника его родственников и знакомых – было сродни военизированной операции, напомидало акцию устрашения политических противников. Некоторые положения методических материалов вступали в противоречия с правовыми нормами, что, учитывая политический характер данной кампании, не рассматривалось ее организаторами как недостаток.

Справедливое стремление государства взыскать недоимки, в условиях диктатуры пролетариата, на излете нэпа, трансформировалось в силовую операцию, сопровождавшуюся захватом имущества побежденного класса в духе теории «первоначального социалистического накопления».

Ключевые слова: Урал, налогообложение, нэп, частное предпринимательство, конфискация, право.

Night of ‘Long Debts’: Organising a Campaign for Collection of Arrears from Private Entrepreneurs

The aim of the research is to investigate into the process of organising a campaign for collection of arrears from private entrepreneurs and for clearing of tax bureaucracy.

The source for the research is the instructions of Central Headquarters of working team for patronage over USSR People’s Commissariat for Finance and the instructions of Sverdlovsk Regional Financial Administration in respect to Sverdlovsk regional financial department (SRFD).

The problems of adequacy of private sector taxation under SRFD policy are investigated in the article. This policy was one of the reasons for organising a tax campaign.

Documents analysis allows us to draw a conclusion that the methods and the means of planned campaign testify for radicalisation of the policy of total and final

exclusion of private sector from country's economy, and for dissolution of NEP mixed economy.

Apart from fiscal proper aim, political ones were present: to demonstrate the determination of the government and to conduct a clearing of finance body which was 'littered' with petit-bourgeois elements. To maintain class equality of the campaign, factory workers were actively involved which led to a number of legal and organisational problems and formed the prerequisites for the abuse. Rapid and unexpected mass confiscations at night with the maximal possible coverage of collection of arrears including even from relatives and acquaintances of an entrepreneur were similar to a war campaign, resembled an act of political opponents deterrence. Some points of the instructions contradicted the present at that time legislature; however, this fact was not viewed as a flaw considering political character of this campaign.

The rightful desire of the government to collect arrears under the dictatorship of proletariat and under the ending of the NEP was transformed into a force operation accompanied by the capture of property of the conquered class in the spirit of the theory of 'primary socialist accumulation'.

Key words: the Urals, taxation, NEP, private entrepreneurship, confiscation, right.

В годы нэпа, когда были легализованы частные – капиталы, предпринимательство, инициатива и собственность, стали формироваться органы, которые должны были обеспечивать функционирование этих «старых» и / или «новых» форм хозяйственной деятельности. Если в годы военного коммунизма они были отброшены как обломки старого мира и их «прах» необходимо было отряхнуть с ног пролетариата, то в годы нэпа потребовалось приложить усилия для их «воскрешения из праха».

Становление финансово-кредитной системы происходило стремительно, поэтому власти советской России были вынуждены опираться на опыт России дореволюционной. Можно говорить об этих нововведениях как о ретро-инновациях, которые воспроизводили рыночные институты (в более или менее

близких к оригиналу форм), призванные реанимировать экономические отношения в сфере кредита, денежного обращения и налогообложения.

К таким институтам относились налоговые органы, в частности Областные и Окружные финансовые отделы, ответственные за сбор налоговых платежей. Фискальные органы и их представители находились в сложной и противоречивой ситуации, так как являлись примером симбиоза старого и нового, располагались на пересечении интересов рыночных и плановых начал. Они разрывались между необходимостью соответствовать идеологическим установкам партийных органов (служить орудием диктатуры пролетариата) и экономической целесообразностью (пополнение доходной части бюджета при сохранении рыночных стимулов к производственной и посреднической деятельности частного сектора).

Как следствие, работой налоговых органов были недовольны практически все, как налогоплательщики, так и органы власти, заинтересованные в пополнении соответствующих бюджетов. Причину дефектов в работе видели не в противоречиях экономики переходного периода, а в людях, в засоренности фискальных органов «социально чуждыми» элементами и в бюрократизме новых советских чиновников.

Идеологическая детерминированность всех сторон жизни советского общества предопределяла необходимость создание стрессовых ситуаций, с различной, но регулярной периодичностью. Их целью являлась мобилизации масс, аккумулярование сил на приоритетных направлениях и, соответственно, форсирование процесса развития, по этой причине большинство мероприятий советской власти носило характер кампаний. Под кампанией понимается «проводимая временно, в течение определенного периода интенсификация деятельности, резкая ее активизация в связи с возникшими неотложными задачами, значительно изменившимися условиями, особенностями сезона [или исторического периода – А. К.]» [Райзберг]. В 1929 г. была проведена одна из них, которая вошла в историю как «астраханское дело» [см.: Гринвальд; Килин,

2016 б] и широко освещавшаяся в центральной и региональной прессе, в том числе и в газете Уральского Обкома ВКП(б) «Уральский рабочий».

На страницах этого регионального издания регулярно публиковались материалы о вскрытых нарушениях в финансовых организациях Уральской области, описывались мероприятия по «ликвидации прорывов» и «изживанию недостатков» в более широком контексте борьбы с «правым уклоном».

Ситуация в Златоустовском окружном финансовом управлении описывалась следующим образом: «Закончено следствие по делу о злоупотреблениях и правоуклонистских делах в Окрфо [Окружной финансовый отдел – А. К.]. В руках финотдельцев карточка обследования являлась просто анкетой, где доподлинно записывали “со слов” торговцев ответы на все основные вопросы. Так “со слов” и определялись обороты. Финработники не раз заявляли: “Частнику и так жить трудно”. Налоговые инспектора Козловский, Забавнев, Петров способствовали разложению аппарата. Работники налоговых участков оказывались под влиянием частников, шла пьянка, половая распущенность. Недобор промыслового и подоходного налогов за [19]28–29 г. определен в 113 тыс. руб. Наряду с этим были случаи, чрезмерного обложения сезонников, мелких кустарей, чистильщиков сапог и т. д.» [Классовый враг на службе Окрфо].

Одним из самых тяжелых обвинений в адрес финансовых организаций заключалось в том, что финработники срачиваются с частным сектором, идут ему на уступки, занижают сумму доходов и, соответственно, минимизируют объем налогообложения, что приводит к сокращению доходной части бюджета.

В ходе проверок, как правило, выявлялись факты недообложения частных предпринимателей. Отметим, что методы начисления налогов были несовершенны и все необходимые процедуры не выполнялись в полном объеме. Значительные суммы задолженностей частника получались из сопоставления реально собранных налогов и тех, которые было необходимо собрать. Однако потенциально возможные размеры налоговых доходов никак не обосновывались, точнее для их определения использовались те же методы

аналогии, средние показатели и т. п., что и при их взимании. Единственное отличие заключалось в том, что проверяющие Наркомфина при собственных расчетах применяли максимальные коэффициенты [Килин, 2016 б, с. 84].

Реальные доходы частных предпринимателей были неизвестны как в силу сокрытия реальных оборотов частниками, так и из-за несовершенства работы налоговиков (дефицит кадров; недостаточная квалификация; низкий уровень заработной платы; большая нагрузка; противоречивость установок руководства; осознание того факта, что их деятельность носит временный и преходящий характер, поскольку криминализация частного предпринимательства сужала их фронт работ, а на первые роли выдвигало сотрудников правоохранительных органов) [Килин, 2016 б].

«Краткий анализ основного обложения подоходным налогом по Свердловскому округу за 1928–1929 г.» содержит сведения о том, что одни и те же виды деятельности, предприятий одного разряда, расположенных в сходных условиях, при неизменной рыночной конъюнктуре облагались налогами по различным ставкам [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 227, л. 3].

В материалах Окрфо находим акт проверки владельцев торговых (выше III разряда) и промышленных предприятий г. Свердловска, освобожденных в 1927/28 г. от подоходного налога по необлагаемому минимуму. В большинстве случаев, сотрудник Свердловского Окрфо Коцюба, отмечает необоснованность освобождения или использование заниженной ставки налогообложения, однако, в некоторых случаях освобождение от налога признано правомерным [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 227, л. 21–22].

В материалах финансовых организаций масса сведений, относящихся к системе взимания налогов, в т. ч. отчетные мероприятия, аналитические документы выявляющие недостатки в работе органов фиска и материалы о дополнительном обложении налогоплательщиков или об отмене незаконно предоставленных льгот. Однако эта деятельность, по мнению властей, была недостаточно радикальна и эффективна, поэтому требовались чрезвычайные и

экстренные меры, с привлечением независимых и беспристрастных кадров со стороны.

В государственном архиве Свердловской области (ГАСО) в фонде Свердловского окружного финансового отдела, содержатся сведения об организации кампании по взысканию с частного сектора недоимок по налогам. Это мероприятие не было уникальным, наоборот – по стране в конце 1920-х гг. прокатилась волна подобных реквизиций, сопровождавшаяся серьезными злоупотреблениями [Твердюкова, с. 44–46].

В письме заведующему Свердловским Окрфо от 20 января 1929 г. содержалась информация о целях и плане проведения кампании, в частности говорилось: «Вся работа бригад по взысканию будет начата внезапно в одно определенное число, по всей области и будет производиться ночью» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 3].

В Инструкции, предназначенной для рабочих инспекторов, подробно описывался план и технология проведения кампании. Отметим, что идеологическим обоснованием для проведения кампании явились задачи индустриализации: «Усиление темпов индустриализации нашей страны и осуществление пятилетнего плана развития народного хозяйства в четыре года будет осуществлено при дальнейшем и решительном наступлении пролетариата по выкорчевыванию остатка корней капитализма, как в городе, так и в деревне. Выполнение контрольных цифр по бюджету требует от работы наших финорганов четкой работы по мобилизации средств на социалистическое строительство, особенно в части максимального взыскания налоговых поступлений с частнокапиталистических элементов» [Там же, л. 5].

В соответствии с советскими ритуальными практиками инициаторами массовых кампаний должны были выступать трудящиеся, несмотря на то, что сама идея разрабатывалась представителями партийной или хозяйственной номенклатуры. Это делалось с целью придать легитимность проводимым мероприятиям, подчеркнуть их демократизм и направленность в интересах широких масс. Рассматриваемая нами кампания не являлась исключением.

«... Чистка финорганов обнаружила прямые извращения классовой линии в налоговой политике в части сложения недоимок по безнадежности, рассрочке платежей и явного недообложения частнокапиталистического сектора. Поэтому рабочие бригады Электrozавода, заводов “Динамо”, “АМО”, “Серп и Молот” и другие, в порядке собственной инициативы, под руководством НК РКИ, Московской областной РКИ и прокуратуры приступили к взысканию по г. Москве сложенных и вынесенных за баланс недоимок, и в своей работе получили положительные результаты. <...> Учитывая, что в работе финорганов по СССР задолженность по налогам частного сектора составляет около 150000000 руб., целесообразно опыт рабочих бригад пролетариев в Москве перенести на весь Союз ССР. Поэтому Центральный Штаб рабочей бригады по шефству над Наркомфином под руководством РКИ и прокуратуры поставил своей задачей немедленное проведение аналогичной кампании и в кратчайший срок по всему СССР и постановил обратиться к рабочим СССР с предложением последовать примеру пролетариев г. Москвы, а для передачи опыта г. Москвы во все крупные города СССР командировать своих представителей – рабочих, участвовавших непосредственно в проведении указанных мероприятий» [Там же].

Задачи кампании, по мнению ее организаторов, должны были сводиться к следующим двум пунктам: «1. Принудительному взысканию текущей недоимки со злостных неплательщиков, с одной стороны, и неправильно сложенной и списанной недоимки, с другой стороны, и выявления факта недообложения частного, с одновременным изъятием от него имущества и ценностей, и обращение их на покрытие числящейся за ними недоимки по налогам и другим обязательствам перед государством. 2. К оценке классовой линии в работе финансово-налогового аппарата финорганов на основе критического анализа и тщательного изучения полученного материала, в результате проведения операции о причине накопления недоимок, а также методов борьбы с частником в интересах фиска» [Там же].

Декларируемые цели свидетельствуют о насущной необходимости погасить дефицит ресурсов, необходимых для реализации планов форсированной индустриализации, что влекло за собой активизацию «первоначального социалистического накопления» и новую волну экспроприации. Помимо некооперированной деревни, источником внутреннего накопления были кустарно-ремесленное производство и частная торговля, частнопредпринимательский уклад в целом. Острота ситуации подчеркивается тем обстоятельством, что для очередной экспроприации активно привлекали рабочих с производства. Представители финансово-кредитного сектора экономики, строившие свою работу на основах экономического расчета, прагматизма и хозяйственной целесообразности, рассматривались центральной властью как ненадежные попутчики. Их сближение с частником в рамках «замкнутого круга частного сектора хозяйства» рассматривалась как экономическая и идеологическая диверсия [Килин, 2016 а].

В Инструкции говорилось, что это «**политическое** (выделено нами – А. К.) мероприятие проводится под руководством местных органов КК [Контрольной комиссии] РКИ путем организации и вовлечения в эту работу рабочих с производства. Для непосредственного руководства и ведения оперативной работы на крупных предприятиях, преимущественно, шефствующих над финорганом по инициативе самих же рабочих организаций создается “Центральный штаб рабочей бригады” из представителей рабочих, составляющих большинство, КК РКИ, ОГПУ, Финоргана и прокуратуры. Штаб должен был возглавляться начальником из числа рабочих. <...> Центральный штаб бригады работает при прокуратуре и в тесном контакте с ней. Проведение и юридическое оформление операций производится по мандату и ордеру прокуратуры. Для руководства работой при финансовых районах или участках создаются оперативные тройки. В тройке председательствует рабочий, а в качестве членов входят представители прокуратуры (следователь) и член комиссии по чистке финансового аппарата» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 5–6].

В данном случае функциями прокурорских работников наделяются общественники, рабочие-активисты с производства. Вполне очевидно стремление организаторов кампании продемонстрировать верховенство классового принципа над профессиональным, их апелляция к представителям той социальной группы, которая провозглашалась опорой существующего строя и являлась примером реализации на практике идеи «диктатуры пролетариата».

Несмотря на то, что в качестве исходного тезиса звучала идея о неэффективности работы финансовых органов, сросшихся с частником, информационной базой для работы троек должны были стать сведения, предоставляемые этими самими финансовыми органами. «В целях соблюдения конспирации Центральный штаб по договоренности с Исполкомом получает от финоргана поименный список налогоплательщиков и недоимщиков по каждому финансовому району или участку. Списки получает Исполком, не объясняя, для каких целей передает их Центральному штабу. В списках должны содержаться следующие сведения: фамилия, имя, отчество, адрес, сумма обложения и числящейся сложеной или вынесенной за баланс недоимки, по всем видам налога. Поименные списки должны составляться с подразделением налогоплательщиков и недоимщиков, примерно, по следующим категориям: частные акционерные общества, единоличные и лжекооперативные артели и другие. <...> Минимум недоимок, по которым производятся операции для изъятия, в зависимости от местных условий, можно установить, примерно, от 100–500 руб., с тем, чтобы мероприятие не коснулось широких кругов мелких недоимщиков, по большей части состоящих из кустарей. Кустари, в отношении которых есть сведения или подозрения, что они под видом кустарного промысла занимаются кустарной торговлей и дают работу на сторону, подлежат также обыску и изъятию их имущества в общем порядке. Причем, в отношении и прочих недоимщиков независимо от суммы недоимки, при наличии имеющихся сведений о неправильном взыскании или недообложении

со стороны финорганов, рабочие бригады должны применять настоящую инструкцию в общем порядке» [Там же, л. 7].

В данном случае очевидно стремление отсечь незначительные суммы долгов, чтобы затраты на проведения кампании как минимум окупились. Отметим, что в ситуациях, которые позволяли рабочим бригадам выявить нарушения в работе финансовых органов, сумма задолженности никакой роли не играла. Если рассматривать эту кампанию как политическую, то «отсечение» мелких кустарей и ремесленников, как трудового элемента, было обосновано с классовых позиций.

В обращении к члену рабочей бригады говорилось: «Товарищ! Перед тобой две основные задачи: 1) По каждой недоимке ознакомиться со всем материалом финотдела, заполнить на каждого недоимщика анкету и проверить правильность действия финработников по взысканию недоимки и по ее сложению, если она была сложена; 2) Взыскать недоимку, т. е. отправиться к недоимщику на квартиру и на его предприятие, если оно у него есть, выяснить все имеющиеся у недоимщика имущество и арестовать это имущество (т. е. описать его), чтобы путем дальнейшей его продажи покрыть недоимку» [Там же, л. 14].

Отметим, что эти рекомендации фактически предполагали выполнение рядовым рабочим роли следователя. Перечень того, что должен был сделать член рабочей бригады непосредственно на предприятии или в доме у должника столь внушителен, что сопоставим с объемом выездной налоговой проверки. План работ требовал значительного количества времени и сил, а также соответствующей подготовки, которой порой недоставало даже налоговым инспекторам. «Производя взыскание недоимки, ты должен, прежде всего, отправиться в предприятие недоимщика, если оно есть, и в присутствии недоимщика и двух посторонних лиц, описать все его имущество и опечатать предприятие. При опечатывании должен присутствовать представитель милиции. Затем отправляйтесь на квартиру недоимщика и через коммунистическую фракцию домоуправления, управдома, соседей

недоимщика, по месту его работы (если он работает) – выясни: чем занимается недоимщик; на какие средства он живет; сколько платит за квартиру; имеет ли домработницу, сколько ей платит; широко ли он живет и на какую, примерно, сумму в месяц; не состоит ли членом артели, и какой именно; если он состоит членом артели – посети ее и выясни, не является ли она фиктивной и какова в ней роль недоимщика (обрати внимание на то, нет ли средств недоимщика в артели); на каких условиях недоимщик снимает квартиру (не является ли он или его родственники домовладельцами, не принадлежит ли им дом на правах застройки, не состоит ли недоимщик членом жилищного кооператива и не имеет ли он в нем пая); не является ли недоимщик лицом какого-либо нэпмана; много ли народа его посещают; не ведет ли он, под видом кустарного промысла, какую либо торговлю и т. п. Одним словом нужно выяснить всё, что можно относительно занятия недоимщика и его имущественного положения» [Там же].

Отметим, что столь глубокое погружение в материал было необходимо лишь в случае сбора достоверной информации, если принять за основу гипотезу о том, что кампания носила пропагандистский и политический характер, то «революционное чутье» могло с лихвой покрыть как отсутствие практического опыта проверяющего, так и дефицит необходимых сведений.

Разумеется, самым напряженным и конфликтным этапом проведения операции являлся обыск, изъятие имущества и, в особых случаях, арест должника. Эти положения Инструкции наиболее наглядно демонстрируют репрессивный характер проводимой кампании. Так, например, «все обыски для большей эффективности как материальной, так и конспиративной, должны проводиться только ночью» [Там же, л. 8]. При этом по общему правилу, в соответствии со ст. 177 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР 1923 г. «обыски и выемки, кроме случаев нетерпящих отлагательств, производятся днем» [Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР.].

В Инструкции отмечены пределы допустимого воздействия в отношении должника: «Во время операции на квартирах у недоимщиков рабочие должны вести себя вежливо, не применять грубости и насилия, даже в тех случаях, когда по обстоятельствам дела необходимым окажется личный арест. В этих случаях нужно приглашать милицию для оказания содействия» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 8].

В документе декларируется запрет на изъятие предметов повседневного обихода и замена дорогостоящих предметов быта более дешевыми: «Не следует при обысках отбирать старое платье и вещи первой необходимости, например, посуду, бывшую в употреблении, белье старое, стол, стулья и т. д. Если при операции у недоимщика окажется дорогая посуда, серебро, хрусталь, фарфор, мельхиор или мебель, кровать красного или черного дерева, обитые кожей кресла и стулья, ковры, диваны и прочее, все это изымается и впоследствии возмещается более простыми, дешевыми аналогичными вещами» [Там же].

Ограничения на конфискацию имущества накладывалось исходя из аналогичных норм уголовного и гражданского права. В ст. 14 закона «О реквизиции и конфискации»², говорилось: «Конфискации не подлежат, во всяком случае (как в административном, так и в судебном порядке), предметы, поименованные в ст. 40 Уголовного Кодекса (УК)» [О реквизиции и конфискации имущества].

Текст этой статьи гласил: «Конфискации не подлежат необходимые для осужденного и его семьи предметы домашнего обихода и служащие средством существования орудия мелкого кустарного, ремесленного или сельскохозяйственного производств. Оставляемые в распоряжении осужденного и членов его семьи предметы питания и денежные суммы не могут по своей оценке, в общей сложности, быть ниже среднего трехмесячного заработка рабочего данной местности на каждого члена семьи. Инвентарь,

² Интересно отметить, что закон «О реквизиции и конфискации» в редакции от 14 января 1964 г. является действующим, однако со значительными ограничениями.

необходимый для профессиональной работы осужденного, может быть конфискован лишь в случаях, когда суд постановит о лишении осужденного права заниматься соответствующей профессией» [Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР].

В перечень документов, которые рекомендовалось изымать в процессе обыска, входили материалы, относящиеся не только к экономической, но и к контрреволюционной и подрывной деятельности гражданина. «Если при обыске будут обнаружены подозрительные документы, как, например: чертежи и планы государственных сооружений, контрреволюционного и вредительского характера, заграничная переписка или документы разного рода: права на застройку, счетные книги, исчисляющие действительные доходы частника, но от финорганов скрытые и прочее, то таковые подлежат изъятию. На основе этих документов будет вестись следствие и ряд других необходимых выводов в отношении их, где они были обнаружены» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 8]. Предусматривалось, что «отобранное при обыске огнестрельное оружие передается в ОГПУ для следствия и привлечения хранивших его без разрешения к ответственности» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 11].

Упоминание о контрреволюционной деятельности служит еще одним свидетельством того, что кампания носила политический характер. Этот фрагмент документа был призван обострить классовую бдительность членов рабочих бригад, продемонстрировать с кем они имеют дело, не оставляет сомнения в том, что в лице частного предпринимателя организаторы акции видели врага.

Необходимо отметить, что обыску помещений и конфискации имущества могли быть подвергнуты не только те граждане, которые входили в заранее составленный список должников, но фактически любой гражданин, в отношении которого возникли подозрения в его связях с частным предпринимателем. «Если по ходу операции окажется необходимым произвести обыск у третьих лиц (родственники, совладельцы, лица скрывающие имущество должника и т. д.), то таковой производится

немедленно, для чего необходимо заполнять, имеющиеся у производящих обыск, заполненные бланки ордера» [Там же, л. 8].

Об этом же говорится и в Памятке члену рабочей бригады: «Постарайся узнать, нет ли имущества недоимщика у кого-нибудь из его знакомых, родственников, соседей. Если оно у них обнаружится, принимай такие же меры, как указано выше, причем в акте описи или в отдельном акте укажи, кто подтверждает, что это имущество принадлежит недоимщику» [Там же, л. 15].

Эти положения свидетельствуют о стремлении организаторов кампании настроить проверяющих на более полный охват как объектов налогообложения, так и круга должников, на максимальное выявление и извлечение ресурсов. При этом Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) содержал норму, в соответствии с которой «если во время наложения ареста третьи лица предъявляют на арестуемое имущество свои права, исключающие возможность обращения на них взыскания за долги должника, то об этом делается в описи отметка» [О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР, ст. 277.].

В ходе кампании по взысканию недоимок процедура конфискации имущества должника могла затронуть интересы третьих лиц. В рассмотренных нами документах их рассматривают как потенциальных правонарушителей, на имущество которых можно направить взыскание. При этом в законодательстве, при погашении задолженности, приоритет отдавался не фискальным органам, а получателям заработной платы и алиментов, а в случае если имущество находилось под залогом, то кредитору. В ст. 18 ГПК говорилось: «В отношении претензий, подлежащих удовлетворению на счет конфискованного имущества, государство отвечает лишь в пределах актива, причем в первую очередь удовлетворяются претензии получателей заработной платы и алиментов, а равно органов социального страхования; во вторую – по недоимкам по государственным и местным налогам и сборам, а равно и неналоговым доходам...» [О реквизиции и конфискации имущества.].

В ходе кампании арест накладывался не только на имущество, но и на текущие счета должника в кредитно-финансовых учреждениях. В документах рекомендуется особое внимание уделять наиболее ликвидным активам: драгоценным металлам и камням, ценным бумагам (векселя, залоговые ломбардные квитанции, аккредитивы, и т. п.). В соответствии с Инструкцией «все денежные документы, ценности и меховые вещи заносятся в протокол обыска» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 8].

В рамках рассматриваемой нами кампании к ценным бумагам уделяли особое внимание: «Старайтесь обнаружить облигации займов, документы о сдаче облигаций на хранение и в залог, сберегательные книжки, так как частник в последнее время охотно помещает свои средства в займы и в Сберкассы» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 14–15]. Данное положение свидетельствует о том, что за относительно непродолжительный период времени финансово-кредитные институты стали рассматриваться частным сектором, как относительно надежные, способные обеспечить сохранность их личных сбережений.

Далее в Инструкции говорилось: «Описанные действующие производственные предприятия, в целях избегания простоев, немедленно передаются местному отделу народного хозяйства для передачи соответствующей организации» [Там же, л. 9]. Таким образом, предполагалось, что конфискации могли подвергаться не только денежные средства и личное имущество должника, но и его производственные предприятия.

Требования к документированию всех производимых операций (раздел VII Инструкции) были связаны как со стремлением придать легитимность кампании, так и для обеспечения мер контроля над процессом изъятия материальных ценностей. Помимо списка недоимщиков, на каждого должника предполагалось завести дело, которое включало в себя: анкету, протокол обыска, акт описи имущества, использованный ордер на обыск и иные сопроводительные документы, в т. ч. расписки о приеме ценностей и изъятых имущества.

Структура описи имущества должна была ориентироваться на сложившуюся практику, регламентированную ст. 276 ГПК [О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР].

Раздел VIII Инструкции регламентировал разбор жалоб и следствие по ним. Обращает на себя внимание, что изъятие имущества производилось тройкой в административном порядке, а апелляция гражданина должна была рассматриваться как в административном (тройкой или штабом с санкции прокуратуры), так и в судебном порядке. Право на обжалование принятого решения было предусмотрено в ст. 20 и 21 Сводного закона РСФСР «О реквизиции и конфискации» [О реквизиции и конфискации имущества.].

В Инструкции значительное внимание уделяется аналитической составляющей: «По окончании взыскания, тройки или Штаб должны тщательно проверять каждое дело со следующих точек зрения: а) наличие упущений или злоупотреблений со стороны работников аппарата; б) наличие злоупотреблений со стороны налогоплательщиков; в) изучение нелегальных форм работы частного капитала. При разрешении каждого конкретного дела, [решается] вопрос о возбуждении уголовного преследования, мелкие дела о преступлениях налогоплательщиков [рекомендуется] передавать для следствия органам юстиции или уголовного розыска. Дела о злоупотреблениях налогоплательщиков более серьезные или имеющие политическое значение, а также дела о злоупотреблениях в финансовом аппарате должны быть расследованы силами рабочих, специально для этой цели выделяемыми штабом, причем желательно представление им прокуратурой, на время расследования, прав следственных органов» [ГАСО, ф. Р-72, оп. 1, д. 246, л. 10].

В материалах неоднократно подчеркивается роль анкеты, которая должна была заполняться представителями финотдела и «тройки», и включать в себя всю историю задолженности [Там же, л. 14]. По нашему мнению, документирование всех процедур было невозможно без специальной подготовки и профессиональных навыков. Исходя из этого, можно предположить, что основной объем административной работы брали на себя

представители финансовых, правоохранительных или надзорных органов, т. е. специалисты. По факту это должно было существенно ограничивать роль рабочих в данной кампании. Если основная нагрузка по документированию ложилась на рабочих с производства, то качество таких материалов, в том числе степень достоверности сведений, не могло быть высоким.

В разделе IX Инструкции рассматривается процедура оценки и реализации конфискованного имущества и ценностей. Обращает на себя внимание, что после изъятия и предварительной оценки предусматривалась «действительная оценка» в более спокойной обстановке и с привлечением специалистов, т. е. «оценку производят компетентные комиссии, назначенные Исполкомом <...> В состав Оценочных комиссий обязательно вводятся представители рабочих и члены Центрального штаба» [Там же, л. 10]. После «действительной оценки» должны была определяться сумма, которая направлялась на погашение задолженности.

Объективность оценки Комиссией стоит поставить под сомнение по следующим причинам. Во-первых, с точки зрения фиска было нерационально завышать стоимость оценки, так как денежные средства от реализации имущества шли на погашение налоговой задолженности. Установка на максимальное изъятие средств у частного сектора и его ликвидацию предполагала дальнейшее наращивание налоговой нагрузки.

Преследуя цель занижить стоимость оценки, при заполнении формы, включающей опись изъятых имущества, рекомендовалось уходить от конкретизации его характеристик. В Инструкции рекомендовалось придерживаться предложенной классификации «не вдаваясь, однако, в точное определение вещей в целях избежания ошибок. Так, например, если на золоте или серебре нет установленных проб, то следует писать в протоколе обыска, акте описи “желтый металл”, “белый металл”, вместо бриллианта – “кольцо с белым камнем”... » [Там же, л. 12].

Во вторых, в соответствии с Инструкцией часть конфискованного имущества направлялась на реализацию через торгово-кооперативную сеть в

приоритетном порядке среди рабочих. Стоимость реализации напрямую зависела от оценки, поэтому рабочие имели прямую заинтересованность как в максимальном объеме конфискаций, так и в занижении оценочной стоимости имущества должника.

Условия товарного дефицита делали процесс изъятия имущества у зажиточной части населения весьма привлекательным мероприятием. При этом мы можем говорить о конфликте интересов в том случае, если бенефициарами при распродаже конфиската оказывались члены троек или члены их семей [Там же, л. 10–11]. **Примеры самообеспечения сотрудников налоговых органов находим в материалах судебно-следственных дел**

Отметим, что в результате кампании можно было оказаться обладателем не только бытовой утвари и одежды, но и более дорогостоящего имущества, например, квартиры или частного дома. Предусматривалась конфискация жилых помещений должников: «Жилища распределять исключительно среди наиболее нуждающихся в нем рабочих, для сего заранее следует договориться в соответствующей Жилищной организации, которой этот фонд должен быть взят на особый учет» [Там же, л. 11]. В рамках кампании было рекомендовано составить список недоимщиков, которые были лишены избирательных прав, для передачи местным исполкомам для выселения «лишенцев» из муниципальных домов [Там же, л. 12]. Полноправные граждане в этом случае могли занять освобожденную «лишенцами» жилую площадь.

Е. Д. Твердюкова отмечает, что в начале 1930-х гг. «практика проведения массовых рейдов с широким привлечением общественности постепенно сошла на нет. На места была спущена директива без судебного решения выселения не производить, а также частично возвратить дома прежним хозяевам, хотя во многих из них уже оказались расселены рабочие» [Твердюкова, с. 46].

В материалах по организации кампании особо отмечалось, что пункты, посвященные реализации имущества среди рабочих, совершенно секретные, «объявлению до результатов кампании не подлежат, и могут быть проведены в

жизнь указанные мероприятия лишь по особому постановлению партийного комитета» [Там же, л. 11].

В Инструкции ничего не говорится о процедуре возврата гражданину той части имущества (или вырученных от его реализации сумм), которая оставалась после погашения задолженности или о механизме зачета излишне изъятых средств, например, в счет погашения будущих налогов. Очевидно, что сама возможность существования частного предпринимательства в будущем не рассматривалась [Килин, 2016 а].

В заключении отмечалось, что «вся работа Рабочих бригад от начала до окончания ее должна быть проведена в строго секретном порядке и оглашению ни в коем случае не подлежит, как самой Бригадой, так и организациями, имеющими к данному делу отношение. Работа Бригады должна быть проведена в ударном порядке, в зависимости от ее объема в минимально короткий срок – за две–три ночи, для чего к делу должно быть привлечено возможно большее число рабочих» [Там же, л. 12].

Возникают обоснованные сомнения в возможности обеспечить режим секретности, когда задействовано такое большое количество граждан и организаций. Если первые обыски еще и могли быть произведены внезапно, то проведенные на следующую ночь уже не были неожиданными. При этом отмечалось, что «о результатах работы Рабочих бригад по ликвидации недоимочности, обеспечить широкий политический отчет на крупных фабрично-заводских предприятиях» [Там же, л. 13]. Таким образом, политический и пропагандистский характер данной кампании доминировал над необходимостью соблюдения режима секретности.

Однако можно утверждать, что информация об этой операции, не просочилась в прессу, так как анализ публикаций в газете «Уральский рабочий» за этот и последующий временные периоды не позволил выявить информации об этой кампании. Это вполне согласуется с положением Инструкции: «В виду того, что как подготовка, так и вся работа бригады не подлежит огласке, [она] не должна быть предметом обсуждения местной прессы (газеты, журналы и

т. д.). И для этой цели необходима своевременная договоренность с руководителями соответствующих редакций» [Там же, л. 12]. Весьма примечательное положение, так как за счет редакторов газет, круг информированных об операции граждан явно расширялся.

Анализ материалов по организации кампании по борьбе с недоимщиками демонстрирует радикализм ее организаторов. Стремление с одной стороны, взыскать долги по налогам, с другой, существенным образом встряхнуть налоговый аппарат при помощи рабочих, продемонстрировать решимость советской власти в борьбе с частным предпринимательством. Помимо экономических преследовались политические цели, а борьба с уклонением от уплаты налогов должна была превратиться в акцию устрашения. Политический характер кампании отмечали сами организаторы. При этом они шли на нарушение даже тех норм советского законодательства, которые в основе своей носили классовый характер и дискриминировали положение представителей частного сектора хозяйства. Конфискация материальных ресурсов частных предпринимателей было ориентировано на максимальный охват как объектов налогообложения, так и круга лиц, было нацелено на занижение оценки изъятого имущества, которое впоследствии реализовывалось в интересах рабочих. В этой связи можно говорить о конфликте интересов в деятельности членов рабочих бригад. Требования к организационному и документационному сопровождению кампании были нереалистичными и не могли быть соблюдены в полном объеме, как по причине дефицита средств, так и в связи с низкой квалификацией кадров. Это, в свою очередь, могло являться основанием для злоупотреблений и произвола, что, учитывая политическую подоплеку мероприятия, не могло рассматриваться его организаторами как недостаток.

Данная кампания еще раз подтверждает форсированный характер ликвидации частного сектора хозяйства, обусловленный поиском ресурсов для проведения индустриализации. В этой связи можно говорить об очередной волне экспроприации. Несомненно, что одной из задач являлась трансформация многоукладной экономики нэпа в «моноукладную», с доминирующей ролью

государственного сектора хозяйства, по сути, огосударствление всех секторов экономики. Модель мобилизационной экономики не предусматривала как независимых хозяйственных субъектов, так и экономически автономной личности, поэтому методы проведения кампании были вполне адекватны поставленным целям.

Источники

Инструкция (для рабочих инструкторов) об организации и проведении работы рабочих бригад по ликвидации налоговой недоимочности с частнокапиталистических элементов. Москва. 12 декабря 1929 г. // ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 5–13.

Классовый враг на службе Окрфо // Уральский рабочий. 1929. 24 октября. С. 5.

О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом РСФСР»). Постановление ВЦИК от 10.07.1923. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

О реквизиции и конфискации имущества. Сводный закон РСФСР от 28 марта 1927 г. (в ред. от 28.03.1927) // Собрании узаконений РСФСР. 1927. № 38. Ст. 248.

Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР. Постановление ВЦИК от 15.02.1923. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР. Постановление ВЦИК от 15.02.1923. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

Памятка (краткая инструкция) для членов рабочих бригад. // ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 14–15.

Письмо заведующему Свердловским Окрфо тов. Лебедеву от заместителя заведующего Уральским областным финансовым управлением (Облфу) тов. Иванова от 20 января 1929 г. // ГАСО. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 246. Л. 3.

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2011. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/7ef8aa6a336b4a7122031d713f383ffbbe5fac93/ (дата обращения: 17.07.2018)

ГАСО. Ф. Р-72. Свердловский окружной финансовый отдел (Окрфинотдел) окружного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. г. Свердловск (01.01.1924 г. – 14.08.1930 г.)

ГАСО. Ф. Р-148. Свердловский областной суд Министерства юстиции РСФСР г. Свердловск. Опись № 1 – 1921–1934 гг.

Исследования

Гринвальд Я., Ханкин И., Чилим И. Класс против класса. Экономическая контрреволюция в Астрахани / под. ред. и предисл. В. Филова. Саратов: Государственное издательство. Нижне-Волжское отделение, 1930. – 240 с.

Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016 а. № 1. С. 56–63.

Килин А. П. Налоговые работники и частные предприниматели на Урале как акторы экономики нэпа: по следам «Астраханского дела» // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2016 б. Т. 18. № 2 (151). С. 77–91.

Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.) : историко-правовой анализ. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 328 с.

References

Grinval'd Ya. & Khankin I., & Chilim I. (1930) Klass protiv klassa. Ekonomicheskaya kontrrevolyutsiya v Astrakhani [Class versus class. Economic counter-revolution in Astrakhan] / pod. red. i predisl. V. Filova. Saratov: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Nizhne-Volzhskoe otdelenie. 240 p. (In Russian)

Kilin A. P. (2016 a) Mobilizatsionnaya ekonomika v bor'be s «zamknutym krugom chastnogo sektora khozyaistva» [Mobilization economy in the fight against the «vicious circle of the private sector of the economy»] // Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii. [Magistra Vitae: electronic journal of historical Sciences and archaeology] № 1. pp. 56–63. (In Russian)

Kilin A. P. (2016 b) Nalogovye rabotniki i chastnye predprinimateli na Urale kak aktory ekonomiki nepa: po sledam «Astrakhanskogo dela» [Tax workers and private entrepreneurs in the Urals as actors in the economy of the NEP: in the Wake of «Astrakhan case»] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki. [Izvestia Ural Federal University. Series 2. Humanities and Arts.] T. 18. № 2 (151). pp. 77–91. (In Russian)

Tverdyukova E. D. (2011) Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli v SSSR (konets 1920-kh – seredina 1950-kh gg.) : istoriko-pravovoi analiz. [State regulation of trade in the USSR (late 1920s-mid 1950s): historical and legal analysis] SPb. : Filologicheskii fakul'tet SPb GU, 2011. 328 p. (In Russian)

Килин Алексей Павлович
кандидат исторических наук, доцент
кафедры документоведения,
архивоведения и истории
государственного управления
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

Alexey P. Kilin
PhD (History), Associate Professor,
Chair of document science, archival
science and history of public
administration
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg,
Russia
E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

